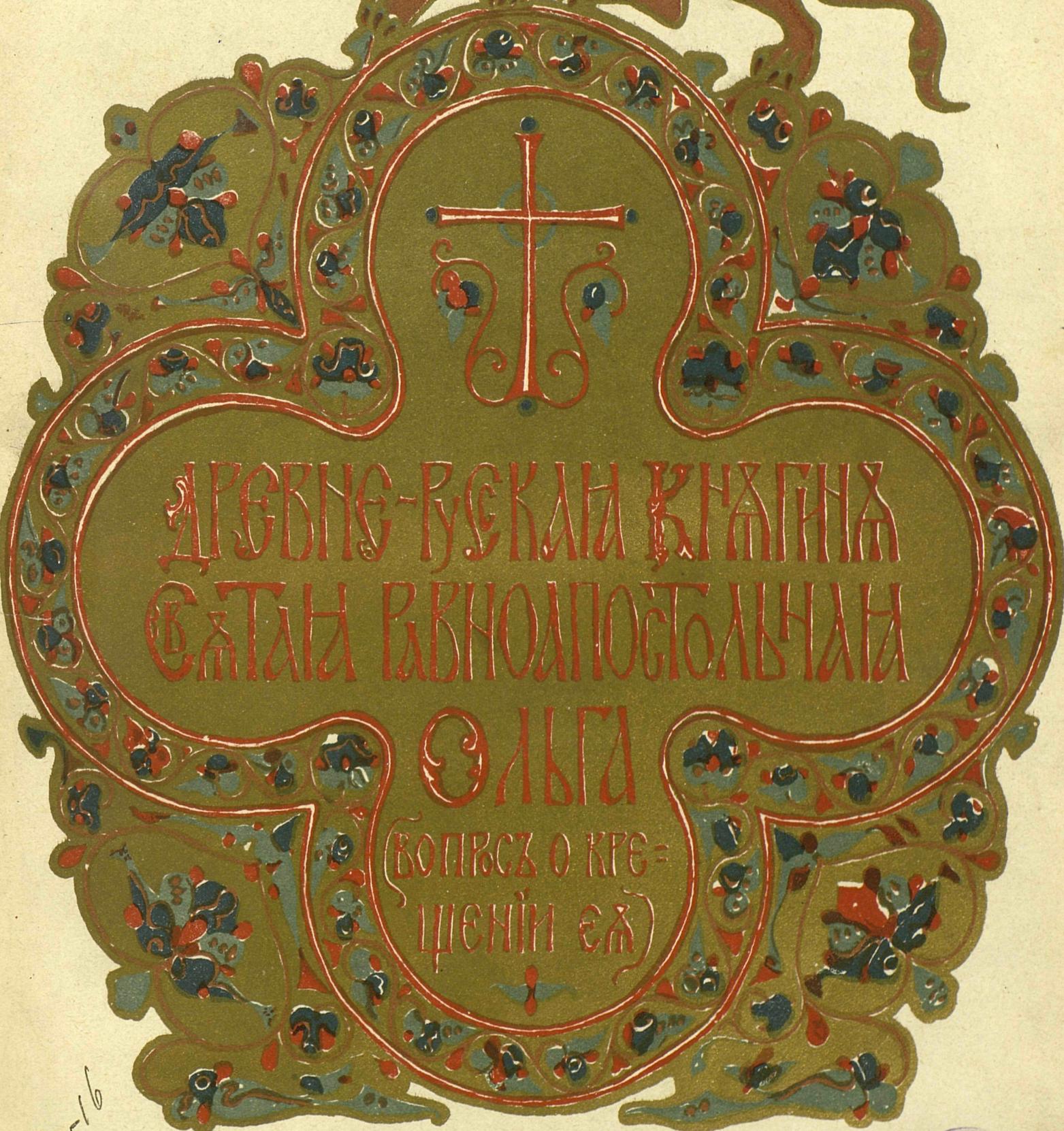

М 82
25.

ДРЕВНЕ-РУСКАЯ КРАГНА
САТАНЪ РВНОПОСТОЛЪЧАНЪ

ОЛГА

(ВОПРЪСЪ О КРЕ-
ЩЕНІИ ЕА)

М-22516

СВ. КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ КНЯГИНЯ СВ. ОЛЬГА.

(Вопросъ о крещеніи ея).

Русская княгиня половины X вѣка—святая Ольга, жена князя Игоря, представляетъ собою самую замѣчательную женщину древней Руси. Лѣтопись наша рисуетъ ее мудрой и опытной правительницей Кіевской Руси, которая прославилась не только умѣлымъ управленіемъ зарождающагося государства, но и тѣмъ, что первая изъ княжескаго рода Руси убѣдилась въ ложности языческой религіи и приняла христіанство. Последнее событіе имѣло величайшія послѣдствія для Руси: оно послужило прочнымъ началомъ ея христіанизации, а эта послѣдняя, кромѣ чисто религіознаго значенія, повлекла за собою приобщеніе Руси къ семьѣ культурныхъ странъ, посодѣйствовавъ появленію и утверженію въ ней просвѣщенія, развитію искусства и т. п. Отсюда великое историческое значеніе первой русской княгини — христіанки.

Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ объ этой великой личности, которую Церковь ублажаетъ какъ святую и равноапостольную. На основаніи отрывочныхъ и нерѣдко неясныхъ и противорѣчивыхъ лѣтописныхъ данныхъ, біографическія свѣдѣнія о ней вкратцѣ можно представить въ такомъ приблизительно видѣ.

Святая Ольга происходила изъ какого-то, неизвѣстнаго точно, города Плескова (подъ которымъ многіе разумѣютъ нынѣшній Псковъ), была, по всей вѣроятности, боярскаго или княжескаго происхожденія и родилась въ самомъ концѣ IX вѣка. Преобладающее въ наукѣ мнѣніе приписываетъ ей происхожденіе изъ народности Варяжской; другіе считаютъ ее чистой славянкой; есть предположеніе о болгарскомъ ея происхожденіи¹. Естественнѣе всего, кажется, видѣть въ ней славянизовавшуюся въ значительной степени представительницу Варяжскаго племени, которому пришлось играть такую видную роль въ судьбахъ Руси, на зарѣ нашей исторіи.

Въ очень молодыхъ лѣтахъ Ольга выходитъ замужъ за князя Игоря. Когда послѣдній вскорѣ сдѣлался, по смерти Олега, самостоятельнымъ правителемъ земли, Ольга, надо думать, не чужда была участія въ дѣлахъ правленія и тутъ то приобрѣла ту опытность, которую она проявила потомъ. Послѣ смерти мужа, погибшаго отъ Древлянъ въ 945 г., Ольга становится правительницей Руси въ виду малолѣтства сына Святослава.

Первое дѣло новой правительницы — усмиреніе возставшихъ Древлянъ и жестокая месть имъ за смерть мужа — показало ловкость княгини и ея умѣнье счастливо выходить изъ затруднительнаго положенія. Далѣе, по лѣтописи, Ольга является умѣлой и энергичной правительницей, сумѣвшей удержать въ повиновеніи себѣ отдѣльныя подвластныя племена и устроившей порядокъ въ своей землѣ установленіемъ „уставовъ“, „уроковъ“ и „даней“.

Правленіе Ольги завершается событіемъ крещенія ея. Этотъ фактъ обнаружилъ не только мудрое сознаніе ея совершенства христіанской религіи и ничтожества язычества. Она прозрѣвала дальше, хотѣла распространить и утвердить христіанство на Руси, видя высокое значеніе его для культурнаго процвѣтанія странъ и народовъ; хотя она не успѣла въ этомъ, но дала первый толчекъ насажденію на Руси христіанства, сыгравшій роль важнаго прецедента для послѣдующей эпохи.

Отсюда крещеніе святой Ольги является однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ нашей древней исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ оно-то именно обезсмертило и самоѣ княгиню и сдѣлало ея имя славнымъ доселѣ и неизгладимымъ въ памяти русскихъ навсегда. Разумѣется, оно должно привлекать и привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе. Но, къ сожалѣнію, это замѣчательное событіе въ жизни святой княгини до сихъ поръ еще окончательно не выяснено въ нашей наукѣ въ существенныхъ своихъ чертахъ и требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Наша лѣтопись, какъ извѣстно, дѣло представляетъ такимъ образомъ: въ лѣто 6463 (т. е. въ 955 г.) Ольга крестилась въ Константинополь при торжественной обстановкѣ — „крестили ее царь съ патриархомъ“, причемъ Ольга имѣла случай „переключать“ своею хитростью византійскаго императора, плѣнившагося ея красотой и тщетно пытавшагося жениться на ней.

Однако, къ этому лѣтописному повѣствованію давно уже принято относиться съ большимъ или меньшимъ сомнѣніемъ въ точности и достовѣрности сообщаемого въ немъ. Въ пользу такого осторожнаго и подозрительнаго отношенія къ показаніямъ нашей лѣтописи говоритъ установленный въ наукѣ фактъ составленія нашего древнѣйшаго лѣтописнаго свода лишь во второй половинѣ XI вѣка, т. е. спустя

приблизительно не менѣе ста лѣтъ послѣ Ольги, и несомнѣнная наличность въ нашей лѣтописи ряда разнообразныхъ наслоений и неточностей². Къ тому же весь лѣтописный рассказъ именно объ Ольгѣ явно отличается легендарными чертами и не лишенъ нѣкоторыхъ несообразностей. Въ рассказѣ о крещеніи Ольги несообразнымъ представляется увлеченіе императора красотой Ольги, которой по лѣтописи въ данное время перевалило уже за 60 лѣтъ; невѣрно во многихъ спискахъ названіе императора „Цѣмьскій“³, т. е. Цимисхій (Іоаннъ), который въ дѣйствительности царствовалъ уже послѣ смерти Ольги (съ 969 по 976 г.г.), а патриарха — „Фотій“⁴; противно истинѣ сватовство императора, такъ какъ дѣйствительные современники Ольги — императоры византійскіе (Константинъ Багрянородный, Романъ II и Никифоръ Фока) были на престолѣ людьми женатыми.

Заслуживаетъ въ данномъ случаѣ вниманія еще одно обстоятельство. Лѣтопись, рассказавъ о торжественномъ крещеніи Ольги въ Царьградѣ и самомъ любезномъ приѣмѣ ея императоромъ — съ награжденіемъ „дарами многими“, непосредственно затѣмъ сообщаетъ, что Ольга, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Византіи въ Кіевъ, при приѣмѣ пословъ Византійскаго императора, велѣла имъ передать своему государю отъ нея такія слова, въ которыхъ явно сквозитъ неудовольствіе и раздраженіе: „аще ты такожде постоиши у мене въ Почайнѣ (т. е. подѣ Кіевомъ), якоже азъ въ Суду (т. е. подѣ Царьградомъ), то тогда ти дамъ“ (дары) и затѣмъ ни съ чѣмъ, безъ отвѣтныхъ даровъ царю, „отпусти слы съ рекъши“. Это неожиданное неудовольствіе Ольги на царя совершенно не вяжется съ тѣмъ чрезвычайно любезнымъ приѣмомъ ея въ Царьградѣ, о которомъ только что предъ симъ повѣствовала лѣтопись, — оно совершенно обезцѣниваетъ весь обстоятельный и краснорѣчивый рассказъ лѣтописца — о богатыхъ подаркахъ Ольгѣ при дворѣ, о наиме-

нованіи ея императоромъ своею дочерью, о его воспріемничествѣ при крещеніи.

Всѣ эти соображенія убѣдительно склоняютъ къ принятію той мысли, что въ лѣтописи мы не можемъ найти твердой почвы для вѣрнаго представленія себѣ обстоятельствъ факта крещенія Ольги. Между тѣмъ, современный Ольгѣ императоръ Византійскій Константинъ VII Багрянородный⁵ въ своемъ сочиненіи „*Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως*“, между прочимъ, описываетъ пріемъ Ольги при Византійскомъ дворѣ, падающій, какъ принято думать, на 957 г.⁶ и при этомъ ровно ничего не говоритъ о фактѣ крещенія здѣсь нашей княгини. Это обстоятельство даетъ поводъ нашему высокоавторитетному историку Русской церкви—профессору (нынѣ академику) Е. Е. Голубинскому, высказывающему по многимъ вопросамъ своей спеціальности послѣднее научное слово, придти къ такимъ выводамъ въ данной области: Ольга пріѣзжала въ Константинополь въ 957 г. уже крещенною (на что указываетъ присутствіе въ ея свитѣ священника Григорія, упоминаемаго въ сочиненіи императора Константина), крестилась-же она раньше — на Руси, именно въ Кіевѣ, а временемъ ея крещенія былъ 954 г., согласно съ данными, приводимыми русскимъ писателемъ XI вѣка — Іаковомъ Мнихомъ⁷. Таково, собственно говоря, послѣднее научное слово по данному вопросу.

Однако при всей научной цѣнности „Исторіи Русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго, аргументацію высказаннаго имъ сужденія объ обстоятельствахъ крещенія св. Ольги мы не можемъ признать убѣдительною. Намъ дѣло представляется нѣсколько иначе.

Прежде всего мы не допускаемъ, чтобы Ольга была „внутреннею христіанкою“ „задолго до смерти ея мужа“ — Игоря, т. е. до 945 года, какъ это настойчиво утверждаетъ Е. Е. Голубинскій⁸.

Это положеніе совершенно не доказано. У Е. Е. Голубинскаго оно логически вытекаетъ изъ другого его утвержденія, будто *въ правленіе Игоря* или, по крайней мѣрѣ, во вторую половину его „христіанъ въ Кіевѣ между Варягами было весьма много“ и будто „самъ великій князь находился на сторонѣ ихъ и былъ внутреннимъ христіаниномъ, вслѣдствіе чего *въ области дѣлѣ политическихъ они явно и рѣшительно преобладали*“⁹.

Однако, какъ ни увлекательна мысль отодвинуть христіанство Кіевской Руси чуть не на столѣтіе вглубь исторіи, — дѣлать такой выводъ изъ словъ договора Игоря съ греками 944 или 945 года, гдѣ дѣйствительно упоминается о крещеныхъ представителяхъ Руси, значить *вопреки послѣдующимъ историческимъ фактамъ* расширять смыслъ данныхъ этого договора.

Договоръ, изобилующій вообще темными, доселѣ мало уясненными выраженіями, указываетъ, дѣйствительно, на то, что изъ лицъ, являвшихся при заключеніи договора Игоря съ греками представителями Руси, нѣкоторые „крещеніе пріяли“. Вполнѣ понятно, конечно, что въ договорѣ съ христіанскимъ государствомъ, какова Византія, наличность христіанъ среди Руси подчеркнута, но не нужно забывать при этомъ, что тотъ-же договоръ *рѣшительно противоположаетъ* „русина“, какъ принадлежащаго къ массѣ языческой, „хрестеянину“ — византійцу¹⁰; очевидно, въ пору заключенія этого договора, понятія „Русинъ“ и „язычникъ“ были синонимами.

Естественно думать, что въ эту пору христіанство на Русь еще лишь едва начало проникать — въ результатъ завязавшихся торговыхъ связей съ сосѣдями — и существовало здѣсь еще по преимуществу среди пришлага элемента¹¹, — главное же ядро Руси прочно и безмятежно пребывало пока въ своей отеческой вѣрѣ. Въ пользу такого взгляда говоритъ и то, какъ медленно и туго усваивалось затѣмъ христіанство на Руси — даже въ самыхъ верхнихъ слояхъ ея, — вспомнимъ періодъ „сознательнаго двоевѣрія“, длившійся у насъ до XIII столѣтія.

Думать иначе — согласно съ Е. Е. Голубинскимъ — не позволяетъ цѣлый рядъ неотвязныхъ вопросовъ, настойчиво требующихъ въ такомъ случаѣ разрѣшенія, но не разрѣшимыхъ¹².

Если въ Кіевѣ между Варягами въ первой уже половинѣ X вѣка такъ сильно было распространено христіанство и княжеское семейство склонялось къ нему, то что же, во-первыхъ, задерживало дальнѣйшій ростъ христіанства и утвержденіе его здѣсь въ качествѣ господствующей религіи болѣе, чѣмъ на цѣлое полустолѣтіе? Почему не крестился самъ Игорь, если онъ былъ „внутреннимъ христіаниномъ“ и христіане при немъ въ Кіевѣ *преобладали въ дѣлахъ политическихъ*? Почему цѣлыя дѣсятилѣтія медлила Ольга? Отчего, крестившись затѣмъ, она имѣла такъ мало успѣха въ пропагандѣ христіанства въ Кіевѣ? Почему, будучи издавна „внутренней христіанкой“, она не воспитала *съ самаго младенчества* въ расположеніи къ христіанству своего сына Святослава? Почему не унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей и не позаимствовалъ отъ окружающихъ людей симпатій къ христіанству Святославъ (по лѣтописи, какъ разъ наоборотъ — именно въ дружинѣ своей нашедшій поддержку своему нерасположенію къ христіанству, — что, конечно, было-бы невозможно, если бы главное ядро дружины — Варяги — въ массѣ своей были уже нѣсколько десятилѣтій христіанами)?

Голубинскій, противорѣча собственному утверженію о политическомъ преобладаніи въ то время въ Кіевѣ христіанъ-Варяговъ, пытается предупредить эти вопросы тѣмъ, что Игорь, какъ чуждый мѣстнымъ славянамъ Варягъ, чувствовалъ себя непрочно на Кіевскомъ престолѣ и потому не рискнулъ креститься. Но это — лишь догадка, и при томъ не лишняя въ устахъ нашего автора самопротиворѣчія. При этомъ нужно имѣть еще въ виду: многими солидными учеными (умѣренными норманнистами — объ ученыхъ противоположнаго

направленія уже не говоримъ) высказывается мнѣніе, что Варяго-Руссы были разноплеменной дружиной, не чуждой и съ самаго начала славянской струи, а при Игорѣ уже сильно слившейся съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ, что при томъ сами Игорь и Ольга были уже весьма славянизированы и вовсе не чувствовали себя въ Кіевѣ среди чуждаго народа¹³.

Эти и подобные вопросы по существу остаются неразрѣшенными Е. Е. Голубинскимъ, а они такъ естественны. Очевидно, христіанизація Кіевскихъ Варяговъ въ княженіе Игоря сильно преувеличена почтеннымъ ученымъ, и до 945 г. Ольга вовсе не была „внутренней христіанкой“.

Что и въ 945—946 г.г. Ольга не была „внутренней христіанкой“,— объ этомъ весьма краснорѣчиво и вполне убѣдительно говоритъ наша лѣтопись, со всею обстоятельностью рассказывающая подъ этими годами о чрезвычайно жестокой мести Ольги Древлянамъ за смерть мужа, причемъ за одного лютой казнью пострадали тысячи людей. Какъ возможно допустить, чтобы Ольга, сколько нибудь проникшаяся уже высокими принципами христіанства,—религіи любви и всепрощенія,—могла учинить такую безпощадную месть, соединенную при томъ съ чрезвычайнымъ коварствомъ¹⁴!

Видно, ставъ правительницей, Ольга еще пока не вѣдала вовсе истины христіанской. Когда она съ христіанствомъ познакомилась поближе, сказать точно нельзя. Іаковъ Мнихъ, показаніямъ котораго особенно довѣряетъ Е. Е. Голубинскій, свидѣтельствуеетъ, что Ольга прожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ. Принимая за годъ смерти 969, Голубинскій годомъ крещенія Ольги считаетъ 954, а мѣстомъ называетъ Кіевъ. Но мы можемъ принять свидѣтельство Іакова развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что около 954 г. началось первое оглашеніе Ольги истинами христіанской религіи.

Если Іаковъ жилъ, дѣйствительно, въ XI вѣкѣ¹⁵, то и въ такомъ случаѣ онъ могъ допустить ошибку, подобно

тому, какъ онъ неправдоподобно (что признаетъ и Голубинскій) утверждаетъ, будто Ольга на Руси „требищя сокруши“¹⁶.

Мнѣніе Голубинскаго о крещеніи Ольги въ 954 году представляется тѣмъ болѣе неприемлемымъ, что оно у него тѣсно и неразрывно связано съ другимъ его предположеніемъ, — будто Ольга крестилась на Руси — въ Кіевѣ, а это послѣднее стоитъ въ полномъ *противорѣчii* *всѣмъ древнимъ писателямъ*, согласно называющимъ Константинополь именно мѣстомъ ея крещенія¹⁷.

Въ пользу своего мнѣнія нашъ церковный историкъ, вмѣстѣ съ другими, указываетъ также на то, что въ 957 г. Ольга пріѣхала въ Константинополь *уже крещенною*. Мы вполнѣ, конечно, согласны съ достоуважаемымъ ученымъ, что разъ Константинъ Багрянородный, въ — упомянутомъ уже — своемъ сочиненіи, описывая пріемъ Ольги, ничего не говоритъ объ ея крещеніи, то она, значитъ, *въ этотъ разъ въ Царьградѣ крещена не была*. Багрянородному въ своемъ сочиненіи, специально посвященномъ описанію придворнаго церемоніала, не только не „неумѣстно“¹⁸, но болѣе чѣмъ естественно — прямо необходимо было упомянуть объ ея крещеніи, которое, конечно, не могло обойтись безъ всякихъ придворныхъ церемоній — особенно, если воспріемникомъ былъ самъ императоръ.

Но откуда видно, что въ 957 г. Ольга прибыла въ Царьградъ уже крещенною? По мнѣнію Голубинскаго и ряда другихъ изслѣдователей, объ этомъ говоритъ присутствіе въ ея свитѣ пресвитера Григорія, о которомъ упоминаетъ въ своемъ описаніи приема Ольги Багрянородный. Но одного лишь *совмѣстнаго* съ Ольгой присутствія въ Константинополѣ священника изъ Руси — для уясненія даннаго вопроса намъ, кажется, совершенно недостаточно.

Константинъ вѣдь говоритъ лишь о томъ, что при пріемѣ Ольги въ Константинополь былъ принятъ при дворѣ и получилъ подарки, между прочимъ, пресвитеръ Григорій

изъ Руси — не больше. Но, во-первыхъ, Ольга могла взять съ собой священника, еще *лишь собираясь креститься*, какъ удобнаго руководителя въ христіанскомъ Царьградѣ и подходящаго посредника въ сношеніяхъ съ Византійскимъ дворомъ.

Во-вторыхъ, вопросъ еще можетъ быть и о томъ, былъ ли упоминаемый Григорій „*ея*“ священникомъ. Въдѣ поѣздка Ольги въ Царьградъ не была обычнымъ путешествіемъ коронованной особы со свитой по своему личному лишь дѣлу; Ольга, конечно, ѣхала въ Константинополь съ обыкновеннымъ ежегоднымъ торговымъ русско-варяжскимъ караваномъ, въ которомъ были несомнѣнно и христіане¹⁹. Священникъ сюда могъ попасть и по своему личному дѣлу, и по желанію христіанъ, — ѣхавшихъ въ далекій и опасный путь, — для удовлетворенія ихъ духовныхъ нуждъ. Что христіанскій священникъ Григорій, и не состоя въ личной свитѣ Ольги, былъ принятъ при дворѣ Византійскаго *христіанскаго* государя и получилъ подарки, это вполне понятно и естественно.

Стало быть, единственный аргументъ въ пользу того, что Багрянородный принималъ въ своемъ дворцѣ нашу Ольгу, *какъ христіанку*, этотъ аргументъ оказывается не такъ ужъ убѣдительнымъ. Между тѣмъ, есть рядъ данныхъ, склоняющихъ скорѣе къ той мысли, что Багрянородному Ольга представлялась *еще язычницей*.

Прочитайте внимательно описаніе приема Ольги въ „*Ἐκδασὶς τῆς βασιλείου τάξεως*“²⁰. Приѣхала княгиня варварскаго языческаго народа, хорошо извѣстнаго и автору, и всѣмъ византійцамъ, и авторъ почему-то ни словомъ не обмолвился о томъ, что княгиня эта *христіанка уже*. Принимаетъ ее Багрянородный далеко не побезнѣе Сарацинскихъ пословъ, бывшихъ при его дворѣ предъ симъ, и во всемъ приѣмѣ нѣтъ и тѣни намека на то, что принимаемая княгиня — христіанка; послѣднее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что придворный

церемониаль Византіи носилъ яркій *церковный отпечатокъ*, и послѣдній, конечно, былъ-бы замѣтенъ при приѣмѣ христіанской гостѣи.

Скажемъ больше того: можно утверждать, что *Константинъ Багрянородный* вовсе не зналъ факта крещенія Ольги. Приводя разныя формулы обычнаго дѣловаго обращенія Византійскаго императора въ сношеніяхъ съ сосѣдними правителями и государями, онъ для правителя Руси приводитъ такую, которая употреблялась лишь по отношенію къ *языческимъ* народамъ²¹, и тѣмъ самымъ даетъ понять, что въ его глазахъ правитель Руси — язычникъ; и эту формулу, вмѣстѣ съ другими, — изъ которыхъ такъ явно видно разграниченіе народовъ христіанскихъ и нехристіанскихъ²², — онъ приводитъ *въ томъ же сочиненіи*, гдѣ говоритъ и о приѣмѣ Ольги, состоявшей какъ извѣстно, *въ это именно время правительницы Русіи*. Тотъ же взглядъ на Русь, какъ на племя вполнѣ языческое, одно изъ „неверныхъ и презрѣнныхъ“, совершенно опредѣленно и неоднократно высказываетъ Багрянородный и въ другомъ своемъ сочиненіи — „*Пері еθνωνъ*“²³.

Несомнѣнно, что для *Багрянороднаго Русь* — язычники и при томъ упорные и безнадежные: христіанскій элементъ на Руси, видимо, былъ настолько еще слабъ, что не давалъ нашему писателю повода для какихъ-нибудь ограниченій въ своемъ опредѣленномъ возрѣніи на религію Руси; иначе, конечно, дѣло обстояло бы, если бы Багрянородный зналъ о христіанствѣ Ольги — правительницы Русіи, — упомянуть же объ этомъ онъ имѣлъ немало поводовъ.

Не получая, такимъ образомъ, прочныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ для вполнѣ удовлетворительной постановки настоящаго вопроса въ греческихъ и русскихъ источникахъ, мы не имѣемъ права скептически относиться къ свидѣтельствамъ западныхъ писателей, разъ таковыя имѣются. А такія свидѣтельства есть. Западные писатели пишутъ тутъ, правда,

по специальному поводу, о которомъ не знаютъ русскіе и греческіе источники. Такъ, у нихъ мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что въ 959 г. послы Руси — и именно Ольги — приходили къ Оттону Нѣмецкому съ просьбой о присылкѣ на Русь епископа и священника, въ 961 г. посланъ былъ Оттономъ на Русь епископъ Адальбертъ, но въ 962 г. безуспѣшно возвратился назадъ.

Данное обстоятельство безусловно должно проливать нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о времени и мѣстѣ крещенія Ольги. Больше того: одинъ изъ западныхъ хронистовъ — продолжатель хроники Регинона — прямо называетъ при этомъ даже приблизительное время и мѣстокрещенія Ольги. Слѣдовательно, сюда должно обратиться наше вниманіе въ поискахъ за разрѣшеніемъ интересующаго вопроса.

Прежде всего цѣнность западнаго свидѣтельства тѣмъ больше, что даетъ его *современникъ* Ольги. Правда, онъ — именно продолжатель хроники Регинона — называетъ нашу княгиню „Helena, regina Rugorum“; но Елена, какъ извѣстно, христіанское имя нашей Ольги, Ругами же на Западѣ, какъ установлено уже²⁴, въ X вѣкѣ обычно назывались Русскіе, жители Кіевской Руси. Что Руги здѣсь — наша именно Русь, подтвержденіе этого мы прежде всего находимъ у ближайшихъ къ данному по времени западныхъ лѣтописцевъ, которые, описывая то-же событіе, называютъ тѣхъ-же пословъ „legati Rusciae gentis“ (лѣтопись Гильдестеймская конца X вѣка), вспоминая о бывшей поѣздкѣ Адальберта на Русь, называютъ его по этому поводу „praesul Rusciae“ (Титмаръ Мерзебургскій, ум. 1018 г.) и т. п.²⁵.

Итакъ, мы имѣемъ по интересующему насъ вопросу свидѣтельство современника. Цѣнность его, однако, ослабляетъ Е. Е. Голубинскій. Стоя предъ передаваемымъ продолжателемъ Регинона фактомъ посольства Ольги къ Оттону, какъ предъ „неразрѣшимой загадкой“, нашъ почтенный ученый упрекаетъ

этого писателя въ „несовершенной обстоятельности свѣдѣній“ и уравниваетъ его съ болѣе поздними писателями въ виду его „слишкомъ большой отдаленности отъ Россіи“²⁶.

Продолжатель Регинона — западный лѣтописецъ, дѣйствительно, жилъ довольно далеко отъ Руси; но не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что вѣдь этотъ писатель, какъ признають²⁷, былъ „либо самъ Адальбертъ, либо близкій къ нему и знающій человекъ“; Адальбертъ-же, ходившій на Русь въ роли епископа-миссіонера, самъ былъ близко заинтересованъ въ дѣлѣ крещенія Ольги и не могъ не знать объ обстоятельствахъ его. Такъ просто отпадаетъ вопросъ объ отдаленности отъ Руси западнаго современника, которому во всякомъ случаѣ *не трудно было узнать истину*.

Стало быть, ключемъ къ разгадкѣ запутаннаго вопроса о времени и мѣстѣ крещенія св. Ольги скорѣе всего можетъ быть поставлено свидѣтельство именно современника — продолжателя хроники Регинона, который опредѣленно говоритъ, что наша Ольга „при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополь“²⁸.

При свѣтѣ этого именно указанія, въ связи съ повѣствованіемъ того-же западнаго лѣтописца о посольствѣ Ольги на западъ, при сопоставленіи нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, обстоятельства крещенія Ольги и подготовки ея къ нему можно представить такъ.

Состоя правительницей государства и сталкиваясь съ появившимися въ послѣднее время въ Кіевѣ христіанами, Ольга около 954 или 955 г.²⁹ познакомилась съ христіанствомъ и, благодаря своему рѣдкому уму и проницательности, серьезно заинтересовалась новой религіей. Въ связи, конечно, съ пробудившимся влеченіемъ къ христіанству, имѣя разнообразные интересы — торгово-промышленные, политическіе и общекультурные, Ольга съ обычнымъ ежегоднымъ караваномъ русскихъ купцовъ, сопровождавъ который было тогда „прямою

обязанностью“ князя Руси³⁰, въ іюнѣ³¹ 957 г.³² двинулась въ Царьградъ, привлекавшій вьярго-русовъ къ себѣ въ то время.

Въ Царьградѣ Ольга была принята безъ особой любезности и предупредительности. На это обстоятельство указываетъ то, что императоръ Ольгу принималъ довольно *поздно*, видимо, не скоро послѣ приѣзда, и при томъ съ большимъ промежуткомъ времени между двумя приѣмами — 9 сентября и 18 октября, между тѣмъ, какъ она должна была прибыть въ Константинополь гораздо раньше — еще, вѣроятно, въ іюль. Не видно особой, предупредительности императора къ Ольгѣ и въ самомъ ея приѣмѣ, какъ описываетъ его Багрянородный. Наконецъ, и лѣтопись наша недаромъ вѣдь проговаривается, что Ольга осталась недовольна приѣмомъ императора, заставившимъ ее будто бы очень долго простоять въ пристани на кораблѣ, не впуская въ городъ.

Ольга вела въ Царьградѣ, видимо, какіе то переговоры съ императоромъ (по свидѣтельству Багрянороднаго, „говорила съ нимъ, о чемъ хотѣла“). Неизвѣстно сколько-нибудь опредѣленно, о чемъ шли переговоры; весьма возможно, что Ольга имѣла въ виду креститься въ Царьградѣ, но, повидимому, не имѣла успѣха въ стоявшихъ въ связи съ этимъ своихъ переговорахъ. Ольга *не крестилась теперь* въ Царьградѣ³³, весьма вѣроятно, именно потому, что неудачны были ея дипломатическіе переговоры съ императоромъ.

Тутъ мы стоимъ, конечно, въ области однихъ предположеній и догадокъ, но все-таки имѣемъ нѣкоторыя основанія допускать, какъ возможность, что Ольга домогалась въ Царьградѣ какихъ-то особыхъ привилегій и преимуществъ для — тогда еще варварской — Руси и ея княжеской династіи.

Готовясь принять крещеніе по склонности къ узнанной ею новой религіи, Ольга, какъ „мудрѣйшая изъ женъ“, преслѣдуя интересы своей Руси, могла имѣть желаніе связать

свое крещеніе съ чѣмъ-нибудь въ родѣ установленія родственныхъ связей съ византійскимъ императоромъ (путемъ, на примѣръ, брака сына — Святослава съ византійской царевной) и полученія какихъ-либо особыхъ преимуществъ царскаго достоинства для княжеской династіи Руси. *Это было въ духъ того времени.* Такъ, на примѣръ, современникъ Ольги, германскій король Оттонъ I (936 — 973 г.г.), сдѣлавшись уже западнымъ императоромъ (въ 962 г.), усиленно домогался чести — женить своего наслѣдника на византійской царевнѣ.

Кромѣ того, у самого Константина Багрянороднаго въ сочиненіи „*Пері ѣдрѡν*“ встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „Если, какъ это часто бываетъ“, „какъ мы это могли узнать изъ своего *собственнаго опыта*“, „Козары, Турки, *Русь* или какой-нибудь другой сѣверный скиѣскій народъ когда-либо *будетъ добиваться и просить себя что-либо изъ царскихъ одеждъ, коронъ и украшеній* за какую-нибудь услугу“, то „надо ихъ неумѣстныя просьбы и дерзкія требованія отвергать“, равно какъ и „если какой-либо изъ этихъ невѣрныхъ и презрѣнныхъ сѣверныхъ жителей попроситъ *породниться* съ царемъ Ромеевъ или взять въ невѣсты его дочь, или дать свою дочь въ жены царю или царскому сыну, то такую бессмысленную ихъ просьбу слѣдуетъ отклонить“³⁴.

Въ этихъ словахъ вполне естественно усматривать нѣкоторый *намекъ и на предметъ переговоровъ нашей Ольги съ Константиномъ Багрянороднымъ.* И это тѣмъ болѣе, что *наша летопись* до нѣкоторой степени *подтверждаетъ* возможность такой цѣли поѣздки Ольги въ Царьградъ. По летописи — Ольга говорила императору: „Аще мя хоцещи крестити, то крести мя *самъ; аще ли (ни), то не крещюся*“. *Неспроста,* далѣе, какъ намъ кажется, возникла и занесенная легенда о *сватовствѣ* императора къ Ольгѣ; возникновеніе ея могло стоять въ связи съ дѣйствительнымъ *желаніемъ* Ольги,

не увѣнчавшимся только успѣхомъ, такъ или иначе *породниться* съ Византійскимъ императорскимъ домомъ.

По всей видимости, Ольга уѣхала изъ Царьграда, послѣ продолжительнаго тамъ пребыванія³⁵, *некрещеной* и неудовлетворенной своей поѣздкой, но съ несомнѣннымъ *сильнымъ желаніемъ принятія христіанства*, еще болѣе возбужденнымъ блестящей христіанской обстановкой Царьграда³⁶. Въ связи съ этимъ, надо думать, возвратившись домой, она затѣваетъ новое предпріятіе, въ результатъ котораго, по свидѣтельству хроники продолжателя Регинона, въ 959 г. отъ нея приходятъ послы къ могущественнѣйшему государю Западной Европы — Оттону I Нѣмецкому съ просьбой „посвятить для сего народа (Руси) епископа и священниковъ“.

Потерпѣвъ неудачу въ Византіи, Ольга, быть можетъ, думала на Западѣ, въ лицѣ могущественнѣйшаго его государя, опирающагося на римскаго папу, добиться себѣ тѣхъ преимуществъ и связей, какихъ не нашла на Босфорѣ. Это обращеніе Ольги на Западъ вполне естественно, такъ какъ достоверно извѣстно, что въ X вѣкѣ купцы Руси имѣли уже торговыя сношенія съ придунайскими областями Германіи³⁷.

Такимъ образомъ Русь едва не приняла къ себѣ западной іерархіи и чуть не вступила въ прочную связь съ Римомъ, хотя еще не отдѣлившись окончательно отъ Восточной церкви, но уже стоявшимъ довольно далеко отъ нея³⁸.

Но этому не суждено было осуществиться. Поставленный въ епископы Руси Либуцій вскорѣ скончался, вслѣдствіе чего вновь посвященный на его мѣсто Адальбертъ получилъ возможность отправиться на Русь лишь въ 961 г. Но онъ *опоздалъ* со своей миссіей: Ольга, видимо, къ этому времени *уже крестилась*.

Видя *задержку* въ исполненіи своей просьбы со стороны Оттона, *Ольга имѣла время и не одинъ случай убѣдиться въ неестественности* своихъ упованій на далекій Западъ, между

тѣмъ, какъ въ Кіевѣ все напоминало ей о Византіи, и она, конечно, имѣла общеніе съ христіанами, связанными духовно съ Царьградомъ и Восточной церковью. Она снова при удобномъ случаѣ завязываетъ сношенія съ Византіей, куда такъ фатально влеклись взоры и симпатіи всѣхъ нашихъ князей и интересы какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ дружины и страны. Этому возобновленію сношеній Ольги съ Византіей могло поблагопріятствовать (или хотя бы показалось Ольгѣ благопріятнымъ) то обстоятельство, что въ 959 г. произошла смѣна монарховъ на тронѣ: мѣсто Константина занялъ Романъ II (959 — 963 г.г.). Къ этому царствованію Романа и относитъ крещеніе нашей Ольги въ Царьградѣ продолжатель хроники Регинона.

Къ какому-же именно моменту четырехлѣтняго царствованія Романа скорѣе всего можно отнести крещеніе Ольги? Конечно, это событіе не могло произойти въ 959 г., потому что лишь въ ноябрѣ этого года умеръ императоръ Константинъ и какъ разъ въ этомъ году посольство Ольги было у Оттона.

Слѣдуетъ отвергнуть также и 962 — 963 г.г., такъ какъ прибывшій съ запада на Русь въ концѣ 961 г. или въ началѣ 962 г. епископъ Адальбертъ уже опоздалъ по тому дѣлу, по которому былъ позванъ, вслѣдствіе того именно, что Ольга, надо полагать, къ тому времени *уже была крещена. Ольга, стало быть, крестилась въ 960 или 961 г. и скорѣе именно въ 960 г.* Въ пользу этого года можетъ говорить фактъ участія въ походѣ Византіи въ этомъ году на островъ Критъ наемныхъ русскихъ дружинъ.

Нуждаясь въ русскихъ дружинахъ, правительство Романа II должно было, по всей вѣроятности, взять на себя инициативу въ возобновленіи переговоровъ съ Кіевскимъ правительствомъ. Ольга, надо думать, съ радостью откликнулась на эти переговоры и поспѣшила съ своей дружиной

предпринять, подъ ея охраной, снова путешествіе въ Царьградъ, чтобы тамъ креститься. Трудности этого путешествія не могли остановить женщину энергичную, настойчиво стремившуюся къ осуществленію своей высокой цѣли³⁹.

Объ этомъ вторичномъ путешествіи Ольги въ Константинополь нѣтъ никакихъ прямыхъ извѣстій; и разъ пришлось отвергнуть фактъ крещенія и христіанскаго состоянія Ольги въ 957 г., а при этомъ всѣ древніе источники говорятъ о крещеніи Ольги именно въ Царьградѣ, — то нужно непремѣнно допустить эту вторую поѣздку Ольги въ Византію для крещенія, которая, согласно съ данными западнаго современника событію, произошла въ царствованіе Романа II около 960 г.

Сказать что-либо опредѣленное объ этой второй поѣздкѣ Ольги въ Царьградъ затруднительно. Въ сбивчивомъ и нѣсколько противорѣчивомъ сказаніи нашей лѣтописи о пребываніи Ольги въ Царьградѣ нельзя ли видѣть *смѣшеніе чертъ* (независимо отъ элемента легендарнаго) *двухъ поѣздокъ* Ольги? Къ первой поѣздкѣ нужно отнести отмѣчаемое лѣтописью неудовольствіе Ольги на императора, ко второй — черты любезнаго приѣма Ольги въ Константинополь.

Можно думать, что во второй разъ, около 960 года, Ольга, дѣйствительно, имѣла утѣшеніе быть крещенной въ Константинополь здѣшнимъ патріархомъ Полиевктомъ (956—970 г.г.) при воспріемничествѣ императора Романа II.

Слѣдуетъ допустить, что вообще эта вторая поѣздка была для нея *удачнѣе во всѣхъ отношеніяхъ* — между прочимъ — и въ политическомъ, посодѣйствовавъ утверженію болѣе близкихъ отношеній Руси съ Византійскимъ дворомъ и правительствомъ. Такъ, вслѣдъ за симъ мы видимъ союзъ сына Ольги — Святослава съ преемникомъ императора Романа, — бывшимъ его полководцемъ и затѣмъ мужемъ его вдовы, — Никифоромъ Фокою (963 — 969 г.г.). Не къ этой-ли поѣздкѣ Ольги

въ Царьградъ около 960 г. нужно, между прочимъ, отнести пожалованіе русскому князю титула и сана наслѣдственнаго главнаго императорскаго стольника, о чемъ говоритъ византійскій писатель XIV в. Никифоръ Григора (совершенно неправдоподобно относящій это пожалованіе ко временамъ Константина Великаго)⁴⁰?

Возвратившись изъ своей второй поѣздки въ Царьградъ въ союзъ съ Греко-Восточной церковью и Византійскимъ правительствомъ, Ольга въ концѣ 961 г. принимала у себя въ Кіевѣ присланнаго съ опозданіемъ съ Запада епископа Адальберта со свитой; онъ теперь уже, конечно, „не успѣлъ ни въ чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными“.

Это вполне естественно: крещеніе уже состоялось, духовная связь съ церковью Константинопольскою закрѣплена, — за чѣмъ Ольгѣ нуженъ былъ теперь духовный представитель церкви Западной, почти уже враждебной Востоку и отличавшейся отъ нея своими обрядами? Въ политическомъ и торговомъ отношеніи тоже Оттонъ Нѣмецкій не такъ нуженъ былъ Руси, какъ *единственный во своемъ родѣ во вселенной*, настоящій „римскій“ императоръ Византіи, — страны, къ тому-же давно уже связанной разнообразными крѣпкими узами съ нашими предками.

Могъ, конечно, остаться Адальбертъ въ Кіевѣ для цѣлей миссіонерскихъ среди народа и дружины, но несочувствіе христіанству выросшаго уже Святослава и его дружины, противодѣйствіе кіевскаго греческаго духовенства (какъ бы его мало ни было)⁴¹, отсутствіе поддержки даже со стороны Ольги, — все это не могло расположить къ дѣятельности западнаго миссіонера, не привыкшаго, очевидно, къ самоотверженной, чисто апостольской проповѣди, со всѣми ея терніями — безъ поддержки власти.

Такъ посламъ Оттона, во главѣ съ Адальбертомъ, пришлось возвратиться въ 962 г. восвояси ни съ чѣмъ, несмотря

на то, что два года передъ симъ ихъ звали на Русь. Естественно, что на Западъ могло показаться, будто ихъ просили на Русь „живымъ образомъ“,—въ дѣйствительности же ихъ, видимо, позвали просто *сгоряча, не взвѣсивъ всего, подъ влияніемъ юречи* отъ неудачной поѣздки въ Византію⁴².

Явившись изъ своей второй поѣздки въ Царьградъ на Русь около конца 960 г. христіанкою, Ольга, конечно, была проникнута желаніемъ пропагандировать христіанство своему народу, крестить своего сына и т. д. Но ни въ чемъ этомъ она не успѣла; не успѣла потому именно, что въ своемъ проникновеніи христіанскими началами она вовсе не шла лишь за общимъ теченіемъ увлеченія христіанствомъ на Руси, — какъ представляетъ дѣло Е. Е. Голубинскій, — но была лицомъ, въ данномъ случаѣ *по своему историческому прозрѣнію опередившимъ* современниковъ изъ высшаго класса своей Руси на десятилѣтія и оставшимся *почти непонятымъ* на Руси при жизни.

Такъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ дѣло наша лѣтопись⁴³: она говоритъ о рѣшительномъ отказѣ отъ христіанства (*уже выросшаго къ 960 г.*) князя Святослава, опиравшагося въ этомъ своемъ упорствѣ на *полное несочувствіе христіанству своей дружины* — высшаго общественнаго класса, представители котораго именно, надо думать, „ругахуся тому“, „кто хотяше креститься“. На довольно глубокое еще язычество Кіева въ моментъ смерти Ольги намекаетъ также нашъ лѣтописецъ, говоря и о ея погребеніи: „И бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи⁴⁴ презвутерь, сей похорони блаженную Ольгу“.

По всему видно, что нашъ лѣтописецъ имѣлъ основанія сказать объ Ольгѣ: „*Си первое* вниде въ царство небесное отъ Руси“.

Несочувствіе новой вѣрѣ Ольги сына и окружающей ее среды въ массѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что

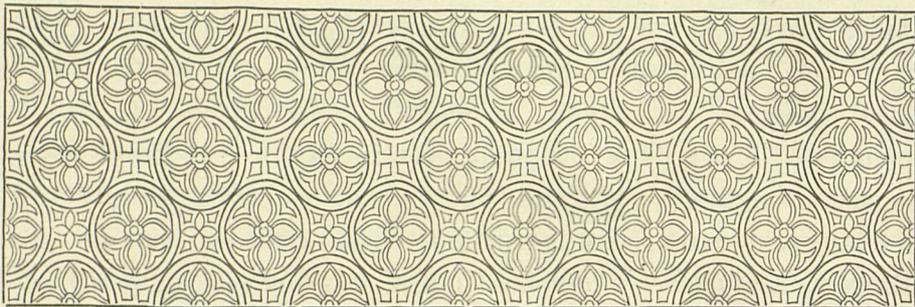
Ольга получила въ исторіи русской церкви, въ дѣлѣ основанія ея, значеніе лишь „денницы предъ солнцемъ“, „зари предъ свѣтомъ“ и „луны въ ноцѣ“; задуманное ею общее крещеніе Кіева и Руси совершилъ уже ея внукъ — св. Владиміръ, воспользовавшись трудами св. Ольги, — хотя, видимо, и незначительными количественно, но имѣвшими важное моральное значеніе — перваго шага, особенно труднаго въ такихъ случаяхъ

Послѣ своей великой бабки, по пути, ею проложенному, св. Владиміру было гораздо легче дѣйствовать въ насажденіи и утвержденіи на Руси христіанства.

Въ этомъ великое значеніе факта крещенія св. Ольги и ея громадная заслуга предъ русскимъ народомъ.

ВЛАДИМІРЪ ПАРХОМЕНКО.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1). Изъ позднѣйшей литературы см. ст. архим. Леонида въ „Русской Старинѣ“ 1888 г., июль, и „Кіевск. Старинѣ“ 1889 г., октябрь, у проф. И. И. Малышевскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1889 г., июль и августъ, и др.

2). См., напр., у академика А. А. Шахматова—въ его, главнымъ образомъ, книгѣ „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ“, СПБ., 1908 г.

3). Въ другихъ спискахъ „Иванъ Чемьскій“, — въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, „Константинъ, Леоновъ сынъ“.

4). Современными Ольгѣ были константинопольскіе патріархи—Теофилактъ и Полиевктъ.

5). Царствовалъ номинально съ 912 или 913 г., единолично — съ 944 или 945 г., умеръ на престолѣ въ 959 г.

6). Эта хронологическая дата, какъ извѣстно, получается путемъ сопоставленія указываемыхъ Константиномъ чиселъ мѣсяцевъ съ днями недѣли и другихъ обстоятельствъ того времени.

7). Академикъ А. И. Соболевскій время жизни Іакова отодвигаетъ къ концу XII или началу XIII вѣка и тѣмъ сильно обезцѣниваетъ значеніе его показаній, — см. статью его въ „Журн. М. Нар. Просв.“ 1888 г., июнь, — „Въ какомъ году крестился Св. Владиміръ“ и „Христіан. чтеніе“ 1890 г., кн. май — июнь; Шахматовъ, относя крещеніе Ольги къ 955 г., въ сущности примыкаетъ къ Голубинскому.

8). См. 1 пол. I т. его „Истор. Русск. Церкви“, 2 изд., М., 1901 г., стр. 75 и др.

9). Ibidem, стр. 59, также 66 — 68 и др.

10). Такъ: 1) „Аще убьеть Хрестеяннъ (т. е. поданный Византіи) Русина, или Русинъ Хрестеяннина“. .; 2) „Елико Хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведуть Русь“, чему противопоставляется „аще ли обращются Русь работающе у Грековъ“.

11). Этотъ пришлый элементъ, надо думать, игралъ видную роль въ торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ Руси съ Византіей, — нѣкоторыя соображенія по данному и соприкасающимся съ нимъ вопросамъ см. въ новомъ изслѣдованіи Г. М. Бараца „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей“, Кіевъ, 1910 г., стр. 60 и сл. 250, 254 — 257 и др.

12). См. также приводимыя ниже свидѣтельства К. Багрянороднаго о современной ему Руси.

13). См., напр., у Н. И. Ламбина — „Жур. М. Н. Пр.“ 1874 г. — іюньск. и іюльск. кн.; на той же точкѣ зрѣнія стоятъ: С. М. Соловьевъ, В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Г. Васильевскій и др.

14). Высокое и могущественное дѣйствіе христіанства на жизнь прозелитовъ, подобно Ольгѣ по собственному убѣжденію принявшихъ христіанство, видно хотя бы изъ свидѣтельствъ о глубокомъ нравственномъ переворотѣ послѣ крещенія въ св. Владимірѣ.

15). Что, какъ мы видѣли, отрицаетъ, напримѣръ, такой авторитетный ученый, какъ А. И. Соболевскій.

16). См. въ уп. 1 пол. I т. „Исторіи Русск. Церкви“ Голубинскаго, стр. 79 — 80.

17). Наша лѣтопись, Іаковъ Мнихъ, западные лѣтописцы X—XI вв. (о нихъ ниже), византійскіе — Іоаннъ Скилицій — к. XI в., Георгій Кедринъ — XI — XII вв., Іоаннъ Зонара — XII в.

18). Какъ это думалъ, напр., покойный преосвященный Макарій Булгаковъ, вслѣдъ за Н. М. Карамзинымъ, — см. 309 стр. 1 изд. его „Истор. Христіанства въ Росс. до равноап. кн. Владиміра“, СПб., 1846 г.

19). Въ упом. трудѣ г. Бараца достаточно обосновано положеніе о большой роли христіанъ — именно посреднической — въ этихъ сношеніяхъ Руси съ Византіей.

20). Мы пользовались изданиемъ Н. Leichius'a и I. Reiskius'a — Лейпцигъ, 1751 и 1754 г.г., см. въ 2 т. стр. 343 — 345.

21). См. въ уп. изданіи „De cerimoniis“ стр. 399 во 2 т.; вотъ она: „Γράμματα Κονστ. καὶ Ρομ. τῶν φιλοχριστῶν βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς Ἄρχοντα Ῥωσίας“; сравнивъ съ другими формулами, вы увидите всю разницу, напр., съ формулой къ христіанскому правителю Болгаріи, — нѣтъ даже традиціоннаго „Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς“ и пр.

22). Настолько, что проф. Ю. Кулаковскій, напримѣръ, въ формулѣ обращенія къ властителю Аланъ, приведенной Багрянороднымъ, видитъ „непреложное свидѣтельство о томъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ въ половинѣ X вѣка“; см. „Византійскій Временникъ“ за 1898 г., — ст. его „Христіанство у Аланъ“.

23). Пользуемся переводомъ его, принадлежащимъ Г. Ласкину и помѣщеннымъ въ 1 кн. „Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1899 г.; см. стр. 73, 80 и др.

24). См., напримѣръ, доказательства въ ст. покойнаго академика В. Г. Васильевскаго — „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“, іюль 1887 г. „Журн. М. Нар. Просв.“, стр. 127 — 133; къ такому же объясненію склоняется и Голубинскій въ прим. на стр. 81 — 82 упомянутаго труда.

25). Кромѣ лѣтописи Гельдесгеймской и Титмара, см. также въ лѣтоп. Кведлинбургской (1 пол. XI в.), въ „Annualista Saxo“ (XII в.), въ лѣтописи Корвейской, у Ламберта Герсфельдскаго (XI в.) и др. Всѣ эти лѣтописи помѣщены въ „Monumenta Germaniae historica“ Pertz'a, выдержки см. у Голубинскаго — стр. 103 — 104.

26). См. въ уп. работѣ Голубинскаго прим. на стр. 78.

27). См., напр., у В. Г. Васильевскаго въ его уп. статьѣ въ іюльск. кн. „Журн. М. Н. Просв.“ 1888 г., стр. 128.

28). Преосв. Макарій Булгаковъ, желая удержать, какъ годъ крещенія, 957 г., толкуетъ это такимъ образомъ, что Ольга крещена при императорахъ „Романѣ и Константинѣ“ (см. 313 стр. 1 изд. его „Ист. Хр—ства до св. Владиміра“), но это уже явная натяжка, сдѣланная съ опредѣленной тенденціей и противорѣчащая хорошему знакомству — при постоянныхъ сношеніяхъ — тогдашняго Запада съ Византіей. Явной предвзятостью вѣсть и отъ скептическаго отношенія къ данному западному источнику проф В. Саввы на томъ лишь основаніи, что

здѣсь стоитъ имя императора Романа, а не Константина, — см. его брошюру „О времени и мѣстѣ крещенія русск. в. кн. Ольги“, Харьковъ, 1890 г., стр. 10 и др.

29). Допускаемъ эти цифры въ соотвѣтствіе съ вышеупоминавшимися свидѣтельствами нашей лѣтописи и Іакова Мниха, авторитетно поддерживаемыми Шахматовымъ и Голубинскимъ.

30). См., напр., въ „Лекц. по русск. ист.“ проф. С. Θ. Платонова, Спб., 1901 г., стр. 64, срв. стр. 103 — 111 въ 1 т. „Лекцій“ В. О. Ключевского (2 изд., М. 1906 г.) и др.

31). См. общее свидѣтельство объ обычномъ времени выхода русскихъ каравановъ въ Царьградъ изъ Кіева у Багрянороднаго въ соч. „О народахъ“, 71 стр. ул. перев. Г. Ласкина.

32). Этотъ годъ, какъ упоминалось, считается въ наукѣ годомъ приѣма Ольги Багрянороднымъ.

33). Объ этомъ говоритъ полное молчаніе Багрянороднаго и незнаніе имъ этого факта, а также свидѣтельство западнаго современника о крещеніи Ольги уже при имп. Романѣ.

34). См. въ ул. переводѣ Г. Ласкина стр. 77 — 82 и ближайшимъ образомъ стр. 77 и 80.

35). Ольга пробыла, надо думать, тутъ не мевѣ 3 мѣсяцевъ — съ іюля до конца октября, уѣхавъ изъ Константинополя съ значительнымъ опозданіемъ противъ обычнаго, такъ какъ уже приближалась зима, а въ ноябрѣ было принято выступать князьямъ изъ Кіева на „полодье“, — см. въ упом. переводѣ „Περὶ ἐθνῶν“, стр. 75.

36). Христіанскій Царьградъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ произвести на Ольгу впечатлѣніе, аналогичное тому, какое, по лѣтописи, вынесли отсюда немного позднѣе послы св. Владиміра.

37). См., напр., въ ул. ст. В. Г. Васильевского въ іюл. кн. „Журн. М. Нар. Просв.“ 1888 г., стр. 121 — 133.

38). Это, какъ извѣстно, было уже гораздо позднѣе Константинопольскаго патріарха Фотія (ум. 891 г.), при которомъ началось раздѣленіе церквей, завершившееся окончательно въ 1054 г.

39). Голубинскій противъ допущенія второй поѣздки Ольги въ виду ее трудности; вторую поѣздку въ Царьградъ Ольги допускаетъ, напр., Н. И. Костомаровъ, но ставитъ ее раньше 957 г. — около 948 г.

и къ ней именно относить крещеніе Ольги. Если, такимъ образомъ, допускаютъ возможность второй поѣздки Ольги въ Царьградъ уже послѣ крещенія, то еще проще и естественнѣе принять вторую поѣздку для самаго крещенія. Проф. Д. В. Айналовъ въ ст. — въ 3 т. „Труд. XII Археолог. Съѣзда въ Харьковѣ“, Москва, 1905 г., — своими соображеніями о преимуществѣ блуда Ольги, видѣннаго Антоніемъ Новгородскимъ въ Царьградѣ, предъ тѣмъ, какое описываетъ Багрянородный, косвенно подтверждаетъ нашу догадку о второй, болѣе удачной, поѣздкѣ Ольги.

40). См. въ 5 гл. VII кн. его „Римской Исторіи“, въ русскомъ переводѣ. С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 231.

41). Вспомнимъ противодѣйствія западнаго духовенства въ IX в. св. Кириллу и Меѳодію.

42). Такое объясненіе словъ западной хроники — „пришли къ королю, — какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ — послы Елены“ и т. д. — намъ кажется болѣе простымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ, напр., такое: „Ольга прислала къ королю вовсе не затѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ“ и т. п. (см. въ тр. Голубинскаго стр. 82 и сл.); думать-же, согласно съ С. М. Соловьевымъ и проф. В. Саввою, что это посольство было самозванное, явившееся безъ воли Ольги, не можемъ, такъ какъ не допускаемъ, чтобы Оттонъ могъ отнестись серьезно къ посламъ, не представившимъ несомнѣнныхъ доказательствъ официальности своей мисси, — провѣрить-же это за два года было нетрудно, разъ существовали торговыя связи Руси съ Западомъ.

43). Хотя она нерѣдко страдаетъ неточностями, но къ свидѣтельству ея, напр., въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ основанія относиться скептически.

44). Въ нѣкоторыхъ спискахъ добавлено еще слово „тайно“ или „втайнѣ“.

После 1911 г. (Вера

✓ Кіевъ. Типографія „С. В. Кульженко“, Пушкинская ул., д. № 4. „Разумъ“
1911 № 10)